

Взаимосвязь множественных идентичностей и социального капитала на постсоветском пространстве: межпоколенный анализ

А.Н. Татарко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7557-9107>, e-mail: atatarko@hse.ru

Н.В. Чуйкина

Таллинский университет, г. Таллин, Эстонская Республика
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0362-1457>, e-mail: natalia.tshuikina@tlu.ee

Работа направлена на выявление связей между множественными идентичностями (этнической, гражданской, религиозной, советской, цивилизационной) и двумя видами социального капитала (соединяющим и связывающим) в двух постсоветских республиках — Эстонии и Киргизии. В обеих республиках в выборку вошли представители двух поколений этнических русских и представителей этнического большинства (эстонцев и киргизов) не менее чем по 150 респондентов в каждой группе. Таким образом, общая выборка составила 1296 респондентов. Для оценок множественных идентичностей использовались авторские методики, для оценки соединяющего и связывающего социального капитала — модифицированная версия генератора социальных ресурсов. Результаты исследования показывают, что у молодого поколения на постсоветском пространстве наблюдаются тенденции к снижению социального капитала, особенно соединяющего. «Советская» идентичность не связана с социальным капиталом этнических русских в рассмотренных республиках, а у представителей этнического большинства — связана. Религиозная идентичность оказалась важным фактором обоих видов социального капитала во всех рассматриваемых группах. Гражданская идентичность связана с соединяющим социальным капиталом у русских в обеих республиках. У молодежи среди эстонцев и киргизов этническая идентичность является фактором, значительно сопряженным с их связывающим социальным капиталом. Также «европейская» идентичность у обоих поколений эстонцев продемонстрировала сильную сопряженность со связывающим социальным капиталом.

Ключевые слова: соединяющий социальный капитал, связывающий социальный капитал, доверие, постсоветское пространство, множественные идентичности.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00268 «Новая Русская Диаспора» 30 лет спустя: идентичность, социальный капитал, межкультурные отношения).

Для цитаты: Татарко А.Н., Чуйкина Н.В. Взаимосвязь множественных идентичностей и социального капитала на постсоветском пространстве: межпоколенный анализ // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 4. С. 65–73. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170407>

The Relationship Between Multiple Identities and Social Capital in the Post-Soviet Space: An Intergenerational Analysis

Alexander N. Tatarko

National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7557-9107>, e-mail: atatarko@hse.ru

Natalia V. Tšaikina

University of Tallinn, Tallinn, Republic of Estonia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0362-1457>, e-mail: natalia.tshuikina@tlu.ee

This study aims to identify the associations between multiple identities (ethnic, civil, religious, Soviet, civilizational) and two types of social capital (bridging and bonding) in two post-Soviet republics: Estonia and Kyrgyzstan. In both republics, the sample included representatives of two generations of ethnic Russians and representatives of the ethnic majority (the Estonians and the Kyrgyz), with at least 150 respondents in each group, so the total sample was 1,296 respondents. The authors used their own techniques to evaluate multiple identities, and a modified version of the social resource generator was used to evaluate bridging and bonding social capital. The results of the study showed that the younger generation in the post-Soviet space tends to have lower social capital, especially the bridging one. "Soviet" identity in the ethnic Russians is not associated with social capital, whereas in the representatives of the ethnic majority it is. Religious identity proved to be an important factor of both types of social capital in all the groups considered. The civic identity is linked to the bridging social capital in the Russians in both republics. Among the Estonian and Kyrgyz young people, ethnic identity is strongly associated with their bonding social capital. Also, the "European" identity of both generations of the Estonians demonstrated a strong association with the bonding social capital.

Keywords: bridging social capital, bonding social capital, trust, post-Soviet space, multiple identities.

Funding. This work was supported by grant RSF (№ 20-18-00268).

For citation: Tatarko A.N., Tšaikina N.V. The Relationship Between Multiple Identities and Social Capital in the Post-Soviet Space: An Intergenerational Analysis. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 65–73. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170407> (In Russ.).

Постановка проблемы

Исследования социального капитала очень важны, поскольку он является важнейшим нематериальным активом общества и способствует экономическому развитию, благополучию и здоровью населения [3; 11; 13; 17; 22]. Последние исследования, проведенные в свете текущей пандемии COVID-19, показывают, что социальный капитал является эффективным средством противостояния пандемии и те страны или регионы, где он выше, более эффективно реализуют меры по противодействию распространения данного заболевания [6].

В данной работе мы рассмотрим социальный капитал населения двух стран постсоветского пространства — Эстонии и Киргизии, а также связь с социальным капиталом различных видов социальной идентичности (множественных идентичностей). Социальный капитал может быть определен как различные ресурсы, доступные индивиду или группе через их социальные связи [16].

Ряд исследователей [7; 19] фокусировались на социальном капитале как источнике различных ресурсов для индивида, которые могут помочь в достижении различных целей. На микроуровне социальный капитал рассматривается как социальный ресурс, которым владеют индивиды, и называется «индивидуальный социальный капитал» [24]. В настоящей статье мы будем рассматривать социальный капитал именно на уровне индивида, как индивидуальный социальный ресурс. Р. Патнем предложил идею разделения социального капитала на внутригрупповые ресурсы (связывающий социальный капитал) и аутгрупповые социальные ресурсы (соединяющий социальный капитал) [21]. В на-

шем исследовании мы используем термин «связывающий социальный капитал» для описания социального капитала, получаемого от представителей собственной этнической группы [12; 15]. Социальный капитал, источником которого являются представители иноэтнических групп, обозначается как «соединяющий социальный капитал» [14; 15].

Существующие исследования показывают, что наблюдаются недостаток социального капитала на постсоветском пространстве и трудности с его формированием. Анализ трендов показывает падение социального капитала на просоветском пространстве с 1991 г. и до начала 2000-х гг., однако исключением являются страны Балтии [10]. В странах Балтии такого резкого падения социального капитала не произошло. Также отдельные исследования, посвященные динамике доверия (которое является ключевым компонентом социального капитала) на постсоветском пространстве, показали, что доверие значительно снизилось после распада СССР в 1991 г. в большинстве постсоветских стран и так и не восстановилось к 2011 году [23].

Одной из причин такого падения могут быть изменения идентичностей населения бывшего СССР, а также изменение в соотношениях статусов этнических групп. В частности, это в первую очередь касается русских, которые утратили статус государствообразующего народа в бывших советских республиках. В этой связи представляется важным рассмотрение того, каким образом связаны различные виды социальной идентичности с социальным капиталом представителей этнического большинства и этнических русских в постсоветских республиках.

Существующие исследования показывают, что есть сильная связь между идентификацией с группой и готовностью «инвестировать» или вкладываться в благополучие группы [9; 18]. В нашем исследовании мы используем также эту идею, но с несколько иным акцентом: если люди имеют общую идентичность, они будут в большей степени расположены к взаимодействию и оказанию помощи друг другу. Соответственно мы можем оценить вклад различных типов социальной идентичности или множественных идентичностей [4] в индивидуальный социальный капитал респондента (количество людей из собственной и иноэтнических групп, готовых оказать различные виды помощи).

Социальные идентичности позволяют людям ориентироваться в социальной реальности и служат основой для формирования социальных связей [18]. Если люди видят, что они принадлежат к кем-либо к той же самой социальной категории, они будут иметь больше причин для формирования социальных связей и взаимопомощи. Таким образом, чем сильнее идентификация с группой, тем в большей степени люди готовы поддерживать других членов этой группы и оказывать им помощь, что, по сути, и является социальным капиталом, если речь идет именно об индивидуальном социальном капитале. Существует ряд эмпирических исследований, которые подтверждают это предположение [обзор см.: 18, р. 30–31].

Поскольку социализация старшего поколения и молодежи проходила в разных условиях (в условиях СССР и после его распада) и выраженность тех или иных социальных идентичностей может быть различной, в нашем исследовании мы сопоставляем результаты двух поколений представителей этнического большинства и русских двух республик, которые, в свою очередь, значительно различаются по численности русских: Эстонии и Киргизии. Также дополнительно стоит отметить, что предыдущие межпоколенные исследования социального капитала зафиксировали существующее различие в социальном капитале респондентов, принадлежащих к различным поколениям [1]. Эти данные, в том числе, дают нам основания предполагать существование межпоколенных различий в социальном капитале респондентов, социализировавшихся до и после распада Советского Союза.

Итак, **основные вопросы данного исследования** следующие.

1. Насколько отличаются по своей выраженности различные компоненты индивидуального социального капитала русских и представителей этнического большинства в Эстонии и Киргизии?

2. Какие виды множественных идентичностей разных поколений русского и коренного населения постсоветских республик связаны с их индивидуальным социальным капиталом?

Методика

В табл. 1 приводятся характеристики выборки. Мы опрашивали русских и представителей этнического большинства в Эстонии и Киргизии.

Инструментарий исследования

1. Индивидуальный социальный капитал.

- Ресурсы социальной поддержки — мы использовали модифицированную версию «генератора ресурсов» [5]. Оценивалось количество друзей, знакомых из собственной этнической группы и этнической аутгруппы, готовых оказать различные виды помощи.

- Количество близких друзей — оценивалось количество близких друзей среди представителей этнической ингруппы и аутгруппы.

- Частота контактов с близкими друзьями — оценивалось количество контактов с близкими друзьями, являющимися представителями этнической ингруппы и аутгруппы.

2. *Генерализованное доверие.* Генерализованное доверие не является составляющей индивидуального социального капитала, однако оно служит основой для формирования социального капитала на социальном уровне, в частности, на уровне общества. Поэтому в нашем исследовании мы дополнительно оценивали уровень генерализованного доверия респондентов.

3. *Множественные идентичности.* При помощи 5-балльной шкалы мы оценивали следующие типы множественных идентичностей у представителей этнических групп, которые приняли участие в исследовании: этнической, гражданской, религиозной, «советской» и «цивилизационной» (тюркской для киргизов и европейской для русских и эстонцев). Каждый тип идентичности оценивался при помощи 4 пунктов. Во всех группах надежность—согласованность шкал, измеряющих идентичность, была выше 0,7.

Результаты

В табл. 2 представлены результаты сопоставления показателей социального капитала между двумя поколениями респондентов в выборках русских и эстонцев.

Таблица 1

Выборка исследования

Исследуемые группы	Молодежь (постсоветское поколение)		Взрослые (поколение советского периода)	
	N	% мужчин	N	% мужчин
Русские Эстонии	152	35,5	234	40,2
Русские Киргизии	150	28	150	41,3
Эстонцы	151	53,3	159	53,5
Киргизы	150	27,3	150	36,7

В табл. 2 мы видим следующие тенденции. В обеих выборках у молодежи выше связывающий социальный капитал, чем у старшего поколения. По уровню соединяющего социального капитала значимых межпоколенных различий ни в одной из этнических групп нет, но абсолютное его значение невысоко. Генерализованное доверие выше у представителей старшего поколения. Что касается социальных связей (количество друзей и контакты с ними), то в группе русских тенденции аналогичны тенденциям в социальном капитале: у русской молодежи выше ингрупповые дружеские связи и плотность ингрупповых контактов. У эстонцев также в молодежной выборке выше количество друзей среди представителей ингруппы, а по остальным индикаторам значимых различий не обнаружено. Таким образом, мы видим, что молодежь в обеих группах старается формировать социальный капитал по этническому признаку в большей мере, чем взрослые.

В табл. 3 мы можем видеть межпоколенное сопоставление показателей социального капитала этнических русских Киргизии и киргизов. У русской молодежи, проживающей в Киргизии, в сравнении со взрослыми, выше и соединяющий и связывающий социальный капитал. У киргизов обратная тенденция — оба вида социального капитала выше в выборке взрослых. У русских генерализованное доверие выше в выборке взрослых, у киргизов — в молодежной выборке. Касательно количества друзей и контактов с ними: в выборке русских у взрослых статистически значимо

выше количество друзей внутри собственной группы, у киргизов — аналогичная тенденция. По другим индикаторам нет статистически значимых различий (табл. 3).

На следующем этапе анализа мы протестировали связи между множественными идентичностями и индивидуальным социальным капиталом у представителей всех 8 подвыборок (табл. 4–7).

На рисунке представлена концептуальная модель, которая была протестирована в исследовании.

Данная модель тестировалась при помощи мультигруппового моделирования структурными уравнениями, мы проводили оценку связей в парах групп схожих по статусу и возрасту групп в каждой республике: 1) русская молодежь обеих республик; 2) русские обеих республик; 3) молодежь из числа эстонцев и киргизов; 4) взрослые из числа эстонцев и киргизов.

У русской молодежи Эстонии множественные идентичности не связаны с социальным капиталом, а у русской молодежи Киргизии этническая и гражданская идентичности позитивно сопряжены со связывающим социальным капиталом, а гражданская идентичность — с соединяющим.

У русских взрослых Эстонии религиозная идентичность позитивно сопряжена и с соединяющим, и со связывающим индивидуальным социальным капиталом. Этническая идентичность взрослых работает против соединяющего социального капитала и в Эстонии, и в Киргизии. Гражданская, напротив, позитивно связана с

Таблица 2

Индивидуальный социальный капитал двух поколений эстонцев и русских Эстонии

Группа	Русские Эстонии		t	Эстонцы		t	
	Переменная	Взрослые M (SD)		Молодежь M (SD)	Взрослые (M,SD)		Молодежь (M,SD)
Связывающий СК		1,90 (0,55)	2,21 (0,66)	-3,73***	2,18 (0,73)	2,42 (0,66)	-2,73**
Соединяющий СК		1,49 (0,55)	1,40 (0,52)	1,28	1,58 (0,74)	1,43 (0,47)	1,75
Генерализованное доверие		3,32 (0,73)	2,89 (0,76)	4,34***	3,29 (0,77)	3,08 (0,72)	2,27*
Количество близких друзей-русских		3,82 (1,07)	4,16 (0,99)	-2,44*	3,22 (1,34)	2,50 (1,27)	4,38***
Количество близких друзей-эстонцев		2,67 (1,27)	2,06 (1,29)	3,43***	4,31 (0,86)	4,15 (0,94)	1,43
Плотность контактов с русскими друзьями		3,36 (0,92)	3,83 (0,95)	-3,74***	2,76 (1,09)	2,53 (1,19)	1,52
Плотность контактов с друзьями-эстонцами		2,40 (1,17)	2,09 (1,20)	1,92*	2,76 (0,85)	3,67 (0,87)	0,76

Таблица 3

Индивидуальный социальный капитал двух поколений Киргизов и русских Киргизии

Группа	Русские в Киргизии		t	Киргизы		t	
	Переменная	Взрослые M (SD)		Молодежь M (SD)	Взрослые M (SD)		Молодежь M (SD)
Связывающий СК		1,97 (0,57)	2,17 (0,61)	-2,93**	2,95 (0,88)	2,66 (0,80)	3,02**
Соединяющий СК		1,63 (0,66)	1,93 (0,73)	-3,66***	1,75 (0,72)	1,43 (0,51)	4,3***
Генерализованное Доверие		2,97 (0,79)	2,77 (0,69)	2,35*	3,26 (0,87)	2,86 (0,82)	4,05***
Количество близких друзей-русских		4,43 (0,79)	3,92 (1,01)	4,80***	4,43 (0,76)	4,49 (0,81)	-0,65
Количество близких друзей-киргизов		3,62 (1,34)	3,40 (1,31)	1,43	3,11 (1,37)	2,62 (1,38)	3,05**
Плотность контактов с русскими друзьями		3,88	3,89	-0,06	4,0 (0,72)	4,44 (3,25)	-1,61
Плотность контактов с друзьями-киргизами		3,16	3,41	-1,90	2,68 (1,27)	2,58 (1,36)	0,65

соединяющим социальным капиталом в обеих группах. Религиозная идентичность русских Киргизии позитивно сопряжена с их связывающим социальным капиталом.

У молодежи Эстонии и Киргизии мы видим уже знакомый нам паттерн связей — выраженность этнической идентичности позитивно сопряжена со связывающим социальным капиталом. Но при этом у киргизов мы видим также отрицательную связь данного вида идентичности с соединяющим социальным капиталом. Гражданская идентичность у эстонской молодежи работает против соединяющего социального капитала, а у киргизов направление связи противоположное. У эстонской молодежи «советская» гражданская идентичность отрицательно сопряжена со связывающим социальным капиталом, но с ним позитивно связана «цивилизационная» (европейская) идентичность. Других связей «советская» идентичность не продемонстрировала ни в выборке эстонской молодежи, ни в выборке киргизской молодежи.

У взрослых эстонцев и киргизов этническая, гражданская и религиозная идентичности оказались

не связаны с социальным капиталом. Наибольшее количество связей с социальным капиталом продемонстрировали надэтнические идентичности — прежняя «советская» и новая «цивилизационная». «Советская» идентичность у киргизов сопряжена со связывающим социальным капиталом, а также с соединяющим социальным капиталом у представителей обеих групп. «Цивилизационная» (европейская) идентичность у взрослых эстонцев, как и молодых, позитивно сопряжена со связывающим социальным капиталом. В выборке киргизов мы наблюдаем позитивную связь «цивилизационной» «тюркской» идентичности с соединяющим социальным капиталом.

Обсуждение результатов исследования

Итак, напомним, что цель настоящего исследования состояла в изучении связей множественных идентичностей с социальным капиталом у представителей двух поколений русских и представителей этнического боль-

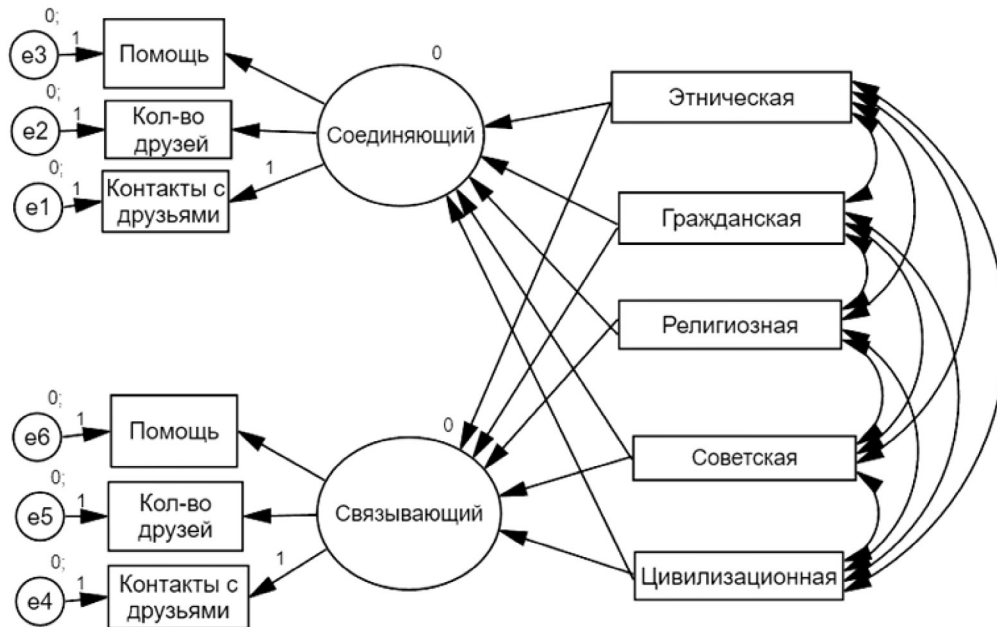

Рис. Концептуальная модель исследования

Таблица 4

Связь между множественными идентичностями и индивидуальным социальным капиталом (мультигрупповая модель для русской молодежи Эстонии и Киргизии)

Зависимая переменная: социальный капитал. Предиктор: Идентичность	Связывающий		Соединяющий		Показатели качества модели	
	Русские Эстонии β	Русские Киргизии β	Русские Эстонии β	Русские Киргизии β	Без ограничений (Unconstrained)	Веса параметров (Measurement weights)
Этническая	-0,01	0,17*	-0,11	0,02	CFA=0,960; $\chi^2/df=1,58$; RMSEA=0,045; PCLOSE=0,665.	CFA=0,954; $\chi^2/df=1,57$; RMSEA=0,044; PCLOSE=0,703
Гражданская	0,09	-0,08	0,01	0,33***		
Религиозная	0,10	0,19***	0,08	-0,05		
Советская	-0,09	-0,04	-0,07	0,11		
Цивилизационная	0,12	-0,04	0,01	-0,15		
					$\Delta CFI^+ = 0,006$	

Примечание: «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$; «***» — $p \leq 0,001$; «+» — здесь и далее: метрическая инвариантность присутствует при $\Delta \leq 0,01$, и мы можем сравнивать регрессионные коэффициенты выборок.

Связь между множественными идентичностями и индивидуальным социальным капиталом
(мультигрупповая модель для русских взрослых Эстонии и Киргизии)

Зависимая переменная: социальный капитал. Предиктор: идентичность	Связывающий		Соединяющий		Показатели качества модели	
	Русские Эстонии β	Русские Киргизии β	Русские Эстонии β	Русские Киргизии β	Без ограничений (Unconstrained)	Веса параметров (Measurement weights)
Этническая	-0,04	0,12	-0,28*	-0,18*	CFA=0,934; χ ² /df =2,12; RMSEA=0,068; PCLOSE=0,10	CFA=0,937; χ ² /df = 1,99; RMSEA=0,065; PCLOSE=0,10
Гражданская	-0,09	0,12	0,58***	0,35***		
Религиозная	0,58***	0,42***	0,26*	0,16		
Советская	0,07	-0,05	0,09	0,08		
Цивилизационная	0,07	0,06	-0,05	0,03		
Δ CFI = 0,003						

Примечание: «*» – p<=0,05; «**» – p<=0,01; «***» – p<=0,001.

Связь между множественными идентичностями и индивидуальным социальным капиталом
(мультигрупповая модель для молодежи представителей этнического большинства Эстонии и Киргизии)

Зависимая переменная: социальный капитал. Предиктор: идентичность	Связывающий		Соединяющий		Связывающий	
	Эстонцы β	Киргизы β	Эстонцы β	Киргизы β	Без ограничений (Unconstrained)	Веса параметров (Measurement weights)
Этническая	0,44***	0,33*	0,15	-0,30*	CFA=0,914; χ ² /df =2,28; RMSEA=0,065; PCLOSE=0,10	CFA=0,928; χ ² /df =2,44; RMSEA=0,069; PCLOSE=0,02
Гражданская	-0,13	-0,01	-0,28*	0,36*		
Религиозная	0,04	0,00	-0,02	-0,17		
Советская	-0,31***	-0,01	0,06	0,06		
Цивилизационная	0,20*	0,01	0,02	0,03		
Δ CFI = 0,013						

Примечание: «*» – p<=0,05; «**» – p<=0,01; «***» – p<=0,001.

Связь между множественными идентичностями и индивидуальным социальным капиталом
(мультигрупповая модель для взрослых представителей этнического большинства Эстонии и Киргизии)

Зависимая переменная: социальный капитал. Предиктор: идентичность	Связывающий		Соединяющий		Связывающий	
	Эстонцы β	Киргизы β	Эстонцы β	Киргизы β	Без ограничений (Unconstrained)	Веса параметров (Measurement weights)
Этническая	0,17	-0,12	0,02	-0,20	CFA=0,956; χ ² /df =1,91; RMSEA=0,06; PCLOSE=0,20	CFA=0,946; χ ² /df = 2,05; RMSEA=0,06; PCLOSE=0,10
Гражданская	0,12	0,21	0,22	0,14		
Религиозная	-0,14	-0,03	0,20	-0,04		
Советская	-0,04	0,29**	0,28*	0,29**		
Цивилизационная	0,34*	0,06	-0,20	0,19		
Δ CFI = 0,01						

Примечание: «*» – p<=0,05; «**» – p<=0,01; «***» – p<=0,001.

шинства в двух постсоветских республиках, отличающихся по количеству русских – Эстонии и Киргизии.

Прежде всего, мы можем заметить некоторое снижение социального капитала у молодежи, по сравнению со взрослым поколением, особенно соединяющего социального капитала. В Эстонии у молодежи (и русских, и эстонцев) связывающий социальный капитал выше, чем соединяющий, и выше, чем у взрослых, а доверие – ниже, по сравнению со взрослыми. Это говорит о том, что молодые поколения представителей обеих этнических групп прежде всего видят ресурсы социальной поддержки внутри этнической группы и в меньшей степени – за ее пределами. У русской молодежи, проживающей в Киргизии, в сравнении со взрослыми, выше

и соединяющий, и связывающий социальный капитал. В терминах Дж. Берри это и есть «двойные связи» [2] с обеими культурами. Русская молодежь, проживающая в Киргизии, стремится адаптироваться к этому контексту. При этом не стоит забывать, что мы наблюдаем такие тенденции, возможно, в силу того, что русских в Киргизии очень мало и поэтому «двойные связи» просто неизбежны. Что касается киргизов, то тут тенденция обратная – «двойные связи» мы наблюдаем у взрослого населения, у него также выше уровень генерализованного доверия. Таким образом, социальный капитал старшего поколения киргизов выше, чем у молодежи.

В целом, наше общее предположение о том, что множественные идентичности могут быть связаны с пока-

зателями соединяющего и связывающего социального капитала, подтвердилось. Обнаруженные связи характеризуются довольно интересными тенденциями. Прежде всего отметим, что религиозная идентичность русских, проживающих в государствах ближнего зарубежья (на примере рассмотренных стран), имеет большое значение для их социального капитала. В основном это касается старшего поколения, младшего поколения — в значительно меньшей мере. Удивительно, но именно религиозная, а не этническая идентичность усиливает связывающий социальный капитал русских в рассмотренных республиках. Для русских именно религиозность во многом служит тем мостом, который соединяет их со своим народом; это мощный источник социального капитала. У местного населения — ни у эстонцев, ни у киргизов такой функции религиозной идентичности мы не обнаружили.

Если сопоставлять обобщенно роли этической и гражданской идентичностей для обоих видов социального капитала, то можно отметить, что, в целом, этническая идентичность является основой связывающего социального капитала, но, в отдельных случаях, работает против соединяющего социального капитала, с которым связана гражданская идентичность. Позитивная связь гражданской идентичности с соединяющим социальным капиталом наблюдается в большинстве рассмотренных выборок, кроме выборки эстонской молодежи. Таким образом, гражданская идентичность, особенно для русского населения постсоветских республик, может служить основой социального капитала. Вопрос о том, почему на выборке эстонской молодежи мы получили отрицательную связь гражданской идентичности и связывающего социального капитала, остается открытым и требует дальнейшего изучения.

Европейская идентичность, как показывает наше исследование, имеет большое значение для связывающего социального капитала эстонцев. Причем у взрослых эстонцев она сопряжена со связывающим социальным капиталом, в отличие от более узких идентичностей — гражданской и этнической. Таким образом, именно рост европейской идентичности может служить основой формирования связывающего социального капитала в эстонском обществе.

Мы также включили в наш анализ «советскую идентичность», поскольку предположили, что она может быть связана с соединяющим социальным капиталом старших поколений представителей разных этнических групп в бывших советских республиках. Это может происходить по причине так называемого «чувства общей судьбы» [8] у представителей старшего поколения, и это чувство служит фоном для общей идентичности, что также положительно влияет на соединяющий социальный капитал — взаимную поддержку тех, у кого «общая судьба». Это предположение подтвердилось частично. Оказалось, что у русского населения в рассматриваемых республиках советская идентичность никак не связана с социальным капиталом, но у представителей этнического большинства — эстонцев и киргизов — эта социальная категория имеет значение, прежде всего для соединяющего социального капитала, поскольку связана с ним позитивно. Однако важно отметить, что связь

«советской» идентичности с соединяющим социальным капиталом (а у киргизов и со «связывающим») обнаружена только у старшего поколения эстонцев и киргизов. У киргизской молодежи такой связи нет вообще, а у эстонской молодежи «советская» идентичность отрицательно сопряжена со связывающим социальным капиталом, но с ним позитивно связана «европейская» идентичность. То есть молодые люди, которые в определенной мере ориентированы на советское прошлое, рискуют остаться без социальной поддержки, а те респонденты, которые имеют более выраженную европейскую идентичность, характеризуются и более высоким уровнем социальной поддержки среди представителей собственной этнической группы.

Заключение

Проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам. Прежде всего, анализ соединяющего и связывающего социального капитала двух поколений русских и представителей этнического большинства Эстонии и Кыргызстана привел нас к выводу, что на постсоветском пространстве наблюдается тенденция к снижению соединяющего социального капитала у молодого поколения. Мы связываем это с изменением социальной идентичности молодого поколения, как русских, так и представителей этнического большинства, произошедшим после распада СССР.

Гражданская идентичность русского населения постсоветских республик позитивно связана с соединяющим социальным капиталом. Таким образом, она может служить «мостиком» для выстраивания взаимоотношений с коренным населением республик и одним из источников накопления более диверсифицированного социального капитала. Мы обнаружили, что «советская» идентичность этнических русских, проживающих в рассмотренных постсоветских республиках, не связана ни с одним из типов социального капитала. При этом «советская» идентичность представителей старшего поколения этнического большинства позитивно связана с соединяющим социальным капиталом (а в случае с киргизами — и со связывающим социальным капиталом).

Неожиданно роль религиозной идентичности оказалась довольно значительной для обоих видов социального капитала у этнических русских — соединяющего и связывающего. По всей видимости, религиозная идентичность является одним из важных источников поддержки сплоченности этнических русских в рассмотренных нами постсоветских республиках.

Этническая идентичность молодежи постсоветских республик оказывает положительное влияние на накопление связывающего (внутри этнической группы) социального капитала. Однако на выборах этнических русских (в обеих странах) она демонстрирует негативный эффект на соединяющий социальный капитал. Также связывающий социальный капитал эстонцев (и молодежи, и взрослых) сопряжен с выраженностью их европейской идентичности, т. е. она во многом служит источником

сплочения и взаимоподдержки для эстонского населения. На русской выборке связей европейской идентичности с каким-либо из видов социального капитала не обнаружено.

Хотелось бы отметить, что выявленные тенденции нуждаются в дальнейшей перепроверке и уточнении на других выборках стран постсоветского пространства.

Литература

References

1. Волкова Н.В., Чикер В.А., Почебут Л.Г. Различия поколений в консолидации социального капитала: организационный и субкультурный аспекты // Социальная психология и общество. 2019. № 2(10). С. 127–145. DOI:10.17759/sps.2019100210
2. Лебедева Н.М., Татарко А.Н., Берри Д. Социально-психологические основы мультикультурализма: проверка гипотез о межкультурном взаимодействии в российском контексте // Психологический журнал. 2016. № 2(37). С. 92–104.
3. Марарица Л.В., Казанцева Т.В., Почебут Л.Г., Свенцицкий А.Л. Вклад личности в социальный капитал группы: структура альтруистического инвестирования // Социальная психология и общество. 2018. № 1(9). С. 43–66. DOI:10.17759/sps.2018090104
4. Рябиченко Т.А., Лебедева Н.М., Плотка И.Д. Множественные идентичности, аккультурация и адаптация русских в Латвии и Грузии // Культурно-историческая психология. 2019. № 2(15). С. 54–64. DOI:10.17759/chp.2019150206
5. Татарко А.Н. Проверка гипотезы интеграции на примере Дагестана: медиативная роль социального капитала // Культурно-историческая психология. 2017. № 4(13). С. 28–39. DOI: 10.17759/chp.2017130403
6. Bian Y., Miao X., Lu X., Ma X., Guo X. The emergence of a COVID-19 related social capital: the case of China // International Journal of Sociology. 2020. Vol. 50. № 5. P. 419–433. DOI: 10.1080/00207659.2020.1802141
7. Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of theory and research for the sociology of education / J.G. Richardson (Ed.). New York, NY: Greenwood Press, 1986. P. 241–258.
8. Brewer M.B., Gardner W. Who is this “We”? Levels of collective identity and self representations // Journal of personality and social psychology. 1996. Vol. 71. № 1. P. 83–93. DOI: 10.1037/0022-3514.71.1.83
9. Campbell C., McLean C. Ethnic identities, social capital and health inequalities: factors shaping African-Caribbean participation in local community networks in the UK // Social science & medicine. 2002. Vol. 55. № 4. P. 643–657. DOI:10.1353/sais.2002.0009
10. Dowley K.M., Silver B.D. Social capital, ethnicity and support for democracy in the post-communist states // Europe-Asia Studies. 2002. Vol. 54. № 4. P. 505–527. DOI: 10.1080/09668130220139145
11. Fukuyama F. Social capital and development: The coming agenda // SAIS Review. 2002. Vol. 22. P. 23–37. DOI: 10.1353/sais.2002.0009
12. Heizmann B., Bohnke P. Migrant poverty and social capital: The impact of intra- and interethnic contacts // Research in Social Stratification and Mobility. 2016. Vol. 46. P. 73–85. DOI:10.1016/j.rssm.2016.08.006
13. Helliwell J., Putnam R. Economic growth and social capital in Italy // Eastern Economic Journ. 1995. Vol. 21. № 3. P. 295–307. DOI: 10.3386/w5470
14. Iosifides T., Lavrentiadou M., Petracou E., Kontis A. Forms of social capital and the incorporation of Albanian immigrants in Greece // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2007. Vol. 33. P. 1343–1361. DOI:10.1080/13691830701614247

1. Volkova N.V., Chiker V.A., Pochebut L.G. Razlichiya pokolenii v konsolidatsii sotsial'nogo kapitala: organizatsionnyi i subkul'turnyi aspekty [Generational differences in the consolidation of social capital: organizational and subcultural aspects]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019, no. 2, pp. 127–145. DOI:10.17759/sps.2019100210 (In Russ.).
2. Lebedeva, N. M., Tatarko, A. N., Berry, J. Sotsial'no-psikhologicheskie osnovy mul'tikul'turalizma: proverka gipotez o mezhkul'turnom vzaimodeystvii v rossiyskom kontekste [Socio-psychological foundations of multiculturalism: testing hypotheses about intercultural interaction in the Russian context]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]*, 2016, no. 2, pp. 92–104. (In Russ.).
3. Mararitsa L.V., Kazantseva T.V., Pochebut L.G., Svetsitskiy A.L. Vklad lichnosti v sotsial'nyy kapital gruppy: struktura al'truisticheskogo investirovaniya [The contribution of the individual to the social capital of the group: the structure of altruistic investment]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2018, no. 1, pp. 43–66. DOI:10.17759/sps.2018090104 (In Russ.).
4. Ryabichenko T.A., Lebedeva N.M., Plotka I.D. Mnozhestvennye identichnosti, akkul'turatsiya i adaptatsiya russkikh v Latvii i Gruzii [Multiple identities, acculturation and adaptation of Russians in Latvia and Georgia] *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2019, no. 2, pp. 54–64. DOI:10.17759/chp.2019150206 (In Russ.).
5. Tatarko A.N. Proverka gipotezy integratsii na primere Dagestana: mediativnaya rol' sotsial'nogo kapitala [Testing Integration Hypotheses in Dagestan: The Meditative Role of Individual Social Capital]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2017, no. 4, pp. 28–39. DOI: 10.17759/chp.2017130403 (In Russ.).
6. Bian, Y., Miao, X., Lu, X., Ma, X., Guo, X. The emergence of a COVID-19 related social capital: the case of China. *International Journal of Sociology*, 2020. Vol. 50. no. 5. P. 419–433. DOI: 10.1080/00207659.2020.1802141
7. Bourdieu P. The forms of capital. In J. G. Richardson (Ed.). *Handbook of theory and research for the sociology of education*. New York, NY: Greenwood Press, 1986. pp. 241–258.
8. Brewer, M. B., Gardner, W. Who is this “We”? Levels of collective identity and self representations. *Journal of personality and social psychology*, 1996. Vol. 71. no. 1. pp. 83–93. DOI: 10.1037/0022-3514.71.1.83
9. Campbell, C., McLean, C. Ethnic identities, social capital and health inequalities: factors shaping African-Caribbean participation in local community networks in the UK. *Social science & medicine*, 2002. Vol. 55. no. 4. pp. 643–657. DOI:10.1353/sais.2002.0009
10. Dowley, K.M., Silver, B.D. Social capital, ethnicity and support for democracy in the post-communist states. *Europe-Asia Studies*, 2002. Vol. 54. no.4. pp. 505–527. DOI: 10.1080/09668130220139145
11. Fukuyama, F. Social capital and development: The coming agenda. *SAIS Review*. 2002. Vol. 22. pp. 23–37. DOI: 10.1353/sais.2002.0009
12. Heizmann B., Bohnke P. Migrant poverty and social capital: The impact of intra- and interethnic contact. *Research*

15. Jun H.J., Ha S.K. Social capital and assimilation of migrant workers and foreign wives in South Korea: The case of Wongok community // *Habitat International*. 2015. Vol. 47. P. 126–135. DOI:10.1016/j.habitatint.2015.01.013
16. Kawachi, I. Social capital and health // *Handbook of medical sociology* / C.E. Bird, P. Conrad, A.M. Fremont, S. Timmermans (Eds.). Nashville, TN: Vanderbilt University Press, 2010. P. 18–32.
17. Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // *Quarterly Journal of Economics*. 1997. Vol. 112. № 4. P. 1251–1288. DOI: 10.1162/00335530055547
18. Kramer R.M. Social identity and social capital: The collective self at work // *International Public Management Journal*. 2006. Vol. 9 № 1. P. 25–45. DOI: 10.1080/10967490600625316
19. Lin N. *Social capital: A theory of social structure and action*. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2001. 278 p. DOI: 10.1017/CBO9780511815447
20. Makridis C.A., Wu C. How social capital helps communities weather the COVID-19 pandemic // *PloS one*. 2021. Vol. 16. № 1. e0245135. DOI: 10.1371/journal.pone.0245135
21. Putnam R.D. *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. New York: Simon & Schuster, 2000. 541 p. DOI:10.1145/358916.361990
22. Putnam R.D. Social capital measurements and consequences // *Canadian Journal of Policy Research*. 2001. Vol. 2. P. 41–51.
23. Sapsford R., Abbott P., Haerpfer C., Wallace C. Trust in post-Soviet countries, ten years on // *European Politics and Society*. 2015 Vol. 16 № 4. P. 523–539. DOI: 10.1080/23745118.2015.1039286
24. Verhaeghe P., Tampubolon G. Individual social capital, neighbourhood deprivation, and self-rated health in England // *Social Science and Medicine*. 2012. Vol. 75. P. 349–357. DOI:10.1016/j.socscimed.2012. 02.057
13. Helliwell J., Putnam R. Economic growth and social capital in Italy. *Eastern Economic Journal*, 1995. Vol. 21. no. 3. pp. 295–307. DOI: 10.3386/w5470
14. Iosifides, T., Lavrentiadou, M., Petracou, E., Kontis, A. Forms of social capital and the incorporation of Albanian immigrants in Greece. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2007. Vol. 33. pp. 1343–1361. DOI:10.1080/13691830701614247
15. Jun H. J., Ha S. K. Social capital and assimilation of migrant workers and foreign wives in South Korea: The case of Wongok community. *Habitat International*, 2015. Vol. 47. pp. 126–135. doi:10.1016/j.habitatint.2015.01.013
16. Kawachi, I. Social capital and health. In C.E. Bird, P. Conrad, A.M. Fremont, S. Timmermans (Eds.). *Handbook of medical sociology Nashville*. TN: Vanderbilt University Press, 2010. pp. 18–32.
17. Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation. *Quarterly Journal of Economics*, 1997. Vol. 112. no. 4, pp. 1251–1288. DOI: 10.1162/00335530055547
18. Kramer, R.M. Social identity and social capital: The collective self at work. *International Public Management Journal*, 2006. Vol. 9, no. 1, pp. 25–45. DOI: 10.1080/10967490600625316
19. Lin, N. *Social capital: A theory of social structure and action*. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2001. 278 p. DOI: 10.1017/CBO9780511815447
20. Makridis, C.A., Wu, C. How social capital helps communities weather the COVID-19 pandemic. *PloSone*, 2021. Vol. 1, no. 1. e0245135. DOI: 10.1371/journal.pone.0245135
21. Putnam R.D. *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. New York: Simon & Schuster, 2000. 541 p. DOI:10.1145/358916.361990
22. Putnam, R.D. Social capital measurements and consequences. *Canadian Journal of Policy Research*, 2001. Vol. 2, pp. 41–51.
23. Sapsford, R., Abbott, P., Haerpfer, C., Wallace, C. Trust in post-Soviet countries, ten years on. *European Politics and Society*, 2015 Vol. 16, no. 4, pp. 523–539. DOI: 10.1080/23745118.2015.1039286
24. Verhaeghe, P., Tampubolon, G. Individual social capital, neighbourhood deprivation, and self-rated health in England. *Social Science and Medicine*, 2012. Vol. 75, pp. 349–357. DOI:10.1016/j.socscimed.2012. 02.057

Информация об авторах

Татарко Александр Николаевич, доктор психологических наук, профессор департамента психологии факультета социальных наук, главный научный сотрудник Центра социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7557-9107>, e-mail: atatarko@hse.ru

Чуйкина Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Таллинский университет, г. Таллин, Эстонская Республика, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0362-1457>, e-mail: natalia.tshuikina@tlu.ee

Information about the authors

Alexander N. Tatarko, Doctor of Psychology, Professor, Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, Chief Researcher, Center for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, (HSE), Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7557-9107>, e-mail: atatarko@hse.ru

Natalia V. Tshuikina, PhD, Senior Lecturer, School of Humanities, Tallinn University, Tallinn, Estonian Republic, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0362-1457>, e-mail: natalia.tshuikina@tlu.ee

Получена 18.08.2021

Принята в печать 03.11.2021

Received 18.08.2021

Accepted 03.11.2021